

ков, сужает сферу их применения. Поэтому лингвистам необходимо смелее вторгаться в социальные сферы. Анализируя демографическую и языковую ситуацию, ученые по возможности должны давать рекомендации, способствующие усилению общественных функций языков малых народностей Севера.

В заключении в сжатой форме даются основные теоретические выводы. Помимо указанных, следует упомянуть размышление автора о примате номинативного типа двусоставного предложения, использовании двух многофункциональных падежей в функции подлежащего, способности простого глагольного сказуемого выражать субъект и объект, семантических и грамматических взаимоотношениях подлежащего и сказуемого и т. д.

В процессе работы автор обнаружила хорошие знания не только по кон-

кретным вопросам темы, но и в общетеоретическом плане, ею сделано много тонких и верных наблюдений. По существу учтены все источники, о чем свидетельствует обстоятельный список их. Особую ценность, на наш взгляд, представляют собранные автором полевые материалы. Хорошее владение родным языком подчеркивает достоверность использованных данных. По существу представлено первое исследование синтаксиса простого предложения хантыйского языка и сравнительного синтаксиса обско-угорских языков. В научный оборот вводятся многие материалы, собранные во время экспедиции.

В целом работа Н. А. Лысковой дает хорошую основу для написания учебных пособий по синтаксису хантыйского и мансийского языков и способствует дальнейшему их изучению.

Г. М. КЕРТ (Петрозаводск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1989.3.17>

Н. Н. Колпакова, Посессивность в венгерском языке (в сопоставительном освещении). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1988.

22 декабря 1988 г. на заседании специализированного совета Д 002.17.02 при Институте языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации Н. Н. Колпаковой «Посессивность в венгерском языке». Работа была выполнена в Институте языкознания АН СССР под руководством доктора филологических наук профессора К. Е. Майтиской. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А. Лаанест и кандидат филологических наук А. П. Гуськова.

Существует немало исследований, где рассматриваются средства выражения посессивности в разных уральских языках: лично-притяжательные суффиксы, субстантивные атрибуты, определительные компоненты сложного слова. Авторы этих работ исходят из грамматической формы, описывают морфологические закономерности употребления соответствующей формы и ее семантические функции. В некоторых исследованиях, как и в

рецензируемом, избран противоположный путь: от функции (содержания) к форме. Таковы диссертация А. А. Ким «Выражение категории принадлежности в диалектах селькупского языка» (1987), книга Э. Гаал «A birtoklás kifejezése a magyar nyelvben» (1978). Однако ни в одном из этих трудов посессивность не понимается так широко, как у Н. Н. Колпаковой.

В качестве средств выражения посессивности в работе рассматриваются не только определительные притяжательные конструкции, но и предикативные конструкции типа *Nekem van szótáram* 'У меня есть словарь', а также предикативные притяжательные конструкции с абсолютным обладателем типа *Ez a toll az enyém* 'Эта ручка — моя', сложные слова с неоформленным определительным компонентом, посессивные имена с суффиксами *-s*, *-ú/-ű* (*bajszos férfi* 'усатый мужчина', *félszemű öreg* 'одноглазый старик'), даже имена необладания (*nőt-*

len férji 'неженатый мужчина'), прилагательные с суффиксом *-i* (*királyi palota* 'королевский дворец').

Н. Н. Колпакова впервые провела систематическое сопоставление способов выражения посессивности во всех ветвях финно-угорских языков. В отдельных случаях привлекаются и языки других семей. Поскольку посессивность представляет собой универсальное явление, ее подробное описание в отдельных языках открывает широкие перспективы для сопоставительно-типологических исследований общелингвистического плана. Посессивность является одной из тех областей языка, которые необходимо проработать для создания теоретических основ описания грамматической и семантической структуры любого языка. Все изложенное и объясняет актуальность темы работы Н. Н. Колпаковой, а также новизну ее содержания.

Автор хорошо знакома со специальной литературой, связанной с указанной темой. В списке использованной литературы есть труды по общим вопросам грамматики и семантики, а также много исследований, которые содержат данные о посессивности в конкретных языках — не только в уральских, но и в тюркских, иранских, славянских, германских, романских. Все же относительно мало учены общетеоретические работы иностранных авторов.

Исследовательская методика Н. Н. Колпаковой базируется на теории функционально-семантического поля, опирающейся на работы А. В. Бондарко. Посессивность рассматривается автором именно как функционально-семантическое поле. Указанное поле имеет центр, куда входит морфологическая категория лично-притяжательности, и периферию, к которой относятся, например, словообразовательные средства выражения посессивности. Использование понятий центр и периферия освобождает от необходимости точно определять круг явлений, относящихся к категории посессивности, позволяет поместить в пределы указанной категории и то, что слабо связано с отношениями обладания или принадлежности. Все же в работе указан и ряд конкретных случаев, где посессивная семантика, по мнению автора, отсутствует; сюда относятся, например, случаи при-

соединения лично-притяжательных суффиксов к инфинитиву, послелогам.

Н. Н. Колпакова различает три основных типа посессивных отношений: 1) определительные притяжательные конструкции; 2) неопределительные притяжательные конструкции; 3) посессивные отношения с доминантным значением «качественная оценка». Каждый основной тип делится на несколько подтипов, которые анализируются семантически и морфологически.

Автор поступила правильно, отказавшись от слишком детального семантического анализа определительных притяжательных конструкций, поскольку такой анализ дал бы мало нового с точки зрения изучения особенностей конкретного языка. С представленной классификацией основных функций можно в общем согласиться, но вызывает сомнение рассмотрение конструкций типа 'мой завод', 'наш университет', 'твой город' в рамках отношения часть — целое (с. 44).

В главе, посвященной неопределительным притяжательным конструкциям, очень ценно то, что обращается внимание на такую особенность венгерского языка, как различие между конструкциями *Nálam van szótár — Nekem van szótárom*. Обе переводятся 'у меня есть словарь', но в первом случае имеется в виду локативное значение, во втором посессивное.

Рецензенту неясно, почему автор считает посессивными конструкциями такие случаи, как *kellemes emlékei maradtak rólam* и др. (с. 109—110).

В работе содержится слабо связанный с темой, но интересный экскурс о происхождении *habeo*-конструкции в обско-угорских языках.

Неожиданно и спорно то, что автор считает посессивными конструкциями и сложные слова, в которых основным значением первого компонента является «качественная оценка». В рамках теории функционально-семантического поля, имеющего центр и периферию, такое решение все же мыслимо. Во всяком случае таким образом расширяются возможности сопоставительного исследования.

Морфологический анализ посессивных конструкций венгерского языка сопровождается сопоставлением с данными других финно-угорских языков, а именно мансийского, хантыйского, коми, удмуртского,

марийского, мордовского и финского. Не рассматриваются саамский и прибалтийско-финские языки, за исключением финского, хотя прибалтийско-финская ветвь в этом отношении неодинакова из-за различной роли лично-притяжательных суффиксов в отдельных языках. Правда, на с. 64 упоминаются эстонский и водский языки в связи с отпадением окончания генитива *-n*, но там же ошибочно утверждается, что указанное отпадение привело к изменениям в основах; в действительности большинство изменений в основах эстонского и водского языков более древние, чем отпадение окончания генитива.

На с. 119 финская поговорка *Terä veitsen, järki miehen kunnia* приводится

как пример на выражение «абсолютного обладателя». Однако в данном случае формы генитива *veitsen* и *miehen* являются определениями, причем в первой части предложения определяемое опущено.

В заключение следует сказать, что работа Н. Н. Колпаковой представляет собой целостное законченное исследование, где выводы основываются на фактах и соответствуют теоретической концепции автора, по-новому решена проблема описания посессивных отношений. Работа Н. Н. Колпаковой может служить образцом при рассмотрении тех же явлений в других языках, на ней могут основываться сопоставительные исследования.

АРВО ЛААНЕСТ (Таллинн)

И. А. Николаева, Проблема урало-юкагирских генетических связей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1988.

22 декабря 1988 г. в Специализированном совете Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации И. А. Николаевой «Проблема урало-юкагирских генетических связей». Исследование выполнено под руководством академика АН СССР Б. А. Серебrenникова. Официальными оппонентами были доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллинн) и кандидат филологических наук А. И. Кузнецова (Москва).

Хотя проблема урало-юкагирских генетических связей стала известной почти полвека назад, в 1940 г., решение ее уже длительное время находится в стадии полного застоя из-за крайне слабой изученности даже живых юкагирских диалектов (или скорее языков): тундренного и верхнеколымского.

В работе Ирины Николаевой представлены (1) реконструкция праюкагирского языка на основе т. н. староюкагирских материалов (т. е. рукописных материалов XVII — первой половины XIX в.), а также печатных и рукописных материалов нашего века и (2) анализ урало-юкагирских соответствий в рамках

сравнения праязыковых состояний. Актуальность и научная новизна исследования не вызывают сомнений. Кроме того, уже введение в научный обиход как забытых староюкагирских материалов, так и данных современных диалектов, в том числе собственных полевых записей из верхнеколымского диалекта, представляет собой научную ценность.

Объем работы — 338 машинописных страниц, она состоит из предисловия (5 с.), введения (35 с.), двух глав (86 + 74 с.), заключения (12 с.), списка использованной литературы (20 с.), трех приложений (37 + 32 + 51 с.), списка сокращений (3 с.) и оглавления (2 с.).

Предисловие содержит краткую оценку изученности урало-юкагирской проблемы, формулировку цели, авторскую оценку научной новизны работы, определения задач и теоретической основы работы, перечня источников юкагирского материала.

Во введении представлены общие сведения о юкагирском языке и народе, в том числе история исчезновения народа (согласно автору, родным языком юкагирский является для 140 тундренных и 20 верхнеколымских юкагиров), описание традиционной материальной и духовной